

И. Свеченовская

**ДОСТОЕВСКИЙ.
РУССКИЙ МАРКИЗ ДЕ САД**



ОЛМА
МЕДИА ГРУПП

Москва

2010

Глава 5

ЖЕНИТЬБА

Свобода! Он так долго ждал этого! И наконец-то свершилось. Теперь начнется новая и определенно счастливая жизнь. Ему исполнилось почти тридцать пять. Иногда Федор оглядывался на свою жизнь, где его надежды? Где слава? Да и сможет ли он писать? На эти вопросы пока у него не было ответов. Но Федор старался раньше времени не думать о некоторых вещах. Каторга научила его быть терпеливым. А сейчас... Сейчас он ехал к новой жизни, в город, которому будет суждено многое перевернуть в его судьбе. Его не оставляло ощущение «счастья и надежды». Он мысленно подгонял трясущийся по знаменитым русским дорогам экипаж, в котором ему довелось добираться к своему новому месту жительства. И вот первая остановка и первые впечатления. Конечно, после крепости в Омске Семипалатинск значительно выигрывал. Но, бог ты мой, не удержался от грустных мыслей Федор: «Какая же это дыра!»

И действительно, город, где ему предстояло жить, был типичным уездным городком середины XIX века. Ничуть не лучше, но и не хуже остальных. Развлечений здесь не было практически никаких. Поэтому местные «сливки общества» развлекались, как могли. А именно: игрой в карты, сплетнями, устройством чужой личной жизни. Все это Достоевский позже испытает на себе. И от этой тихой, полусонной жизни, многие из них потихоньку спивались.

Однажды Достоевский попал на вечер в дом к скромному таможенному чиновнику Исаеву. И тотчас влюбился. В жену хозяина. Раньше на дела сердечные у него собственно и времени не было. Зато теперь! Увидев Марию Дмитриевну, он был очарован. «Это любовь» – пронеслось в мыслях Федора. Хотя... Кто знает, если бы Мария Дмитриевна была изначально свободна, заинтересовала бы она его? Ведь и его первое увлечение – Панаева тоже была замужем. А потом не следует забывать, что по своей природе Достоевский был игроком и просто банальный роман ему был бы по определению скучен. Именно любовный треугольник казался ему невероятно привлекательным.

Достоевский смотрел на женщину и понимал, что по-настоящему влюбился. Потом он сам скажет, что это было большое всепоглощающее чувство, пережитое с многочисленными волнениями, но доставившее наивысшие минуты, как блаженства, так и полнейшего ощущения бытия. «По крайней мере жил, хоть и страдал, да жил» – потом напишет Достоевский.

А пока... Тонкий психолог, отличный знаток человеческой натуры... Он изучал. Да, именно изучал, как

объект ту, которая, по его мнению, может либо сделать его самым счастливым, либо самым несчастным человеком в мире. Итак, Достоевский сразу понял, что эта милая, хрупкая женщина несчастлива в браке. Дочь начальника астраханского карантина вышла замуж очень юной, не сумев распознать в будущем муже алкоголика, который в силу болезни и душевного склада был не способен где-либо регулярно работать, водил дружбу с отбросами общества, и тем самым обрекал свою семью на острую нужду. Вот как сам писатель описывает их встречу: «Когда я познакомился с ним, он уже несколько месяцев был в отставке и все хлопотал о другом каком-нибудь месте. Жил он жалованием, состояния не имел, и потому, лишись места, мало по малу они впали в ужасную бедность... Он наделал долгов. Жил он очень беспорядочно, да и натура его была беспорядочная. Страстная, упрямая, несколько загубелая. Он был беспечен, как цыган, самолюбив, горд, но не умел владеть собой».

Контрасты Исаева заинтересовали Достоевского, ведь тот, несмотря на свои пороки, в итоге оказался благородным человеком и послужил прототипом Мармеладова. Федор выступил в роли друга и заступника несчастной женщины. Он опять все точно рассчитал и ринулся во всеоружии покорять будущую возлюбленную. Тем более что сам Достоевский к алкоголю всегда был равнодушен и отлично понимал, что это его качество сыграет ему только на руку. Он утешал Марию Дмитриевну, и между делом, пытался уговорить приятеля бросить пить. Ведь кому, как ни мужу нужно пожалеть и Марью и семилетнего сына Пашу.

Но жалеть жену Исаева в итоге выпало ему самому. А вскоре его увлечение переросло в настоящую болезненную страсть.

Нельзя с точностью сказать, догадывался ли писатель, что в этом тихом провинциальном городе ему попался достойный противник, с той же тонкой и расчетливой душой игрока. Поэтому и нам следует пристальней взглянуть в эту женщину. Мария Дмитриевна была натурой не просто сложной, а архисложной. Она давно болела туберкулезом и не могла не понимать всей серьезности своего положения. Но в то же время, именно по этой причине Исаева была страстно привязана к жизни, к ее радостям и соблазнам, и не умела им противостоять. И ей не составило труда представить Достоевскому то, что он хотел увидеть. А именно не просто хорошенькую женщину, а мученицу, стоявшую на пороге гибели. «Что-то каждую минуту вновь оригинальное, здравомыслящее, остроумное, но и парадоксальное, бесконечно доброе, истинно благородное – у нее сердце рыцарское, сгубит она себя» – писал он.

В то время, когда они познакомились Марии Дмитриевне было всего двадцать шесть лет. Ее очень точно описал друг Достоевского Врангель: «Миловидная блондинка среднего роста, очень худощавая, натура страстная и экзальтированная». И далее: «Уже тогда зловещий румянец играл на ее бледном лице и несколько лет спустя чахотка унесла ее в могилу» – вспоминал Врангель. Все это вместе взятое поразило воображение писателя, и только подтолкнуло к давно разгоревшемуся костру страсти.

В линейном батальоне Семипалатинска, он пережил самый страшный опыт из отпущенных судьбой. Как нижний чин, Достоевский участвовал в экзекуциях – стоял в строю и трясущимися руками опускал палку на спину какому-нибудь бедолаге, приговоренному начальством. Его уносили в конвульсиях с этих адских мероприятий. Нервные припадки, которыми он был отмечен с детства, начали перерастать в эпилепсию.

Но темная полоса в его жизни не могла длиться вечно, и однажды она сменилась полосой серой. Прокурором в Семипалатинск назначили барона Александра Врангеля, большого ценителя «Бедных людей». Едва устроившись на новом месте, Врангель вызвал бывшего каторжника к себе – и они стали друзьями навек. Это был подарок судьбы. Молодой прокурор свел рядового с губернатором, и скоро Достоевского произвели в унтер-офицеры. Перед ним распахнулись двери домов именитых горожан, где гости порой путали его с денщиком и порывались всучить верхнюю одежду. Но Достоевский мало обижался. Каторга научила его смирению. К тому же мысли его занимало другое. Мария Дмитриевна целиком и полностью владела его помыслами.

Они к тому времени невероятно сблизились. После того как ее супруга-пьяницу перестали принимать в приличных местах, Марии Дмитриевне пришлось безвылазно сидеть дома. И, конечно, женщина отчаянно страдала от этого вынужденного одиночества. Кто-то должен был утешить ее. Достоевский идеально подходил на эту роль. К тому же модель любовно-

го треугольника притягивала его все больше и больше. Тем более что в данной ситуации мы можем наблюдать просто классику жанра. Пьяница муж, женщина – мученица и он – избавитель. Достоевский начал проводить почти все вечера в доме Исаевых. Но это формально. А на самом деле, он оставался наедине с Марией. Муж после трудового дня, и ежевечерней принятой дозы не мог составить им компанию, поскольку находился уже в состоянии полнейшего отключения от действительности. Он мирно храпел на диване, а жена в то время изливала обиды сердца своему поклоннику. Он участливо ее слушал, пока не понял, что влюбился. Мучительно и страстно.

За отсутствием других обожателей и Мария Дмитриевна тоже почувствовала сильнейшую симпатию к этому нескладному молодому человеку. Неизвестно, куда бы зашел сей весьма вялотекущий роман, если бы их не подстегнула предстоящая разлука. Господина Исаева назначили на должность в далекий город Кузнецк. Само назначение на должность заседателя по корчемной части, то есть по управлению трактами, было даже очень унижительно. Да и сам переезд за семьсот верст, в самую, что ни есть глушь, был удручающ. Отношения с Марией Дмитриевной и без того не простые, стали мучительными. Женщина, хоть и привязалась к писателю, но больше жалела забитого судьбой человека, не видя в нем никаких перспектив на будущее. И уж, конечно, ни о какой пылкой любви с ее стороны говорить не приходилось. Достоевского она держала при себе, исключительно про запас, так на всякий случай.

Врангель рассказывает, что отчаяние Достоевского, когда Мария Дмитриевна уехала, было беспредельным. Он ходил точно помешанный, ему казалось, что все хорошее и светлое в его жизни закончилось. «И ведь она согласна, она не противоречит. Вот что возмутительно» – горько твердил он в те дни. И начался еще более мучительный и изматывающий период переписки между Марией Дмитриевной и Достоевским. Женщина не перестает изливать на писателя жалобы на свою болезнь, на печальное состояние мужа и безрадостную будущность. Он ее утешал и пытался поговорить о будущем, об их будущем.

Но вскоре тон писем изменился. Мария Дмитриевна стала намекать на поклонников, окружающих ее. Что это было? Действительный расцвет женщины, сменившей привычную обстановку, или тщательно продуманный расчет? Мария Дмитриевна не могла не понимать, что чувства Достоевского нужно постоянно подогревать. Просто любовь для него будет скучна и пресна. И поэтому она и пишет о таинственном поклоннике, который стал опекать ее. Но что сильнее всего волновало и мучило Достоевского, так это письма, где она жаловалась на настоящую потребность нарушить свое одиночество и отвести с кем-нибудь душу. Однажды она прислала ему странное письмо, где спрашивала совета, как быть на тот случай, «если бы нашелся человек пожилой и обеспеченный и сделал ей предложение...» Достоевский прочел это и потерял сознание. Амплитуда его чувств подскочила на немыслимую высоту и достигла своего крещендо.

Но через полгода муж Марии Дмитриевны разболелся и умер. На десятый день после смерти Исаева Достоевский сообщает своему другу Врангелю: «Голова у меня болит, спать хочется и к тому же я весь расстроен. Сегодня утром получил из Кузнецка письмо. Бедный, несчастный Александр Иванович Исаев скончался. Вы не поверите, как мне жаль его, как я весь растерзан. Может быть, я только один из здешних и умел ценить его. Если были в нем недостатки, наполовину виновата в них его черная судьба. Желал бы я видеть, у кого бы хватило терпения при таких неудачах? Зато сколько доброты, сколько истинного благородства!.. Боюсь, не виноват ли я перед ним... Он умер в нетерпимых страданиях, но прекрасно, как дай бог умереть и нам с Вами. И смерть красна на человеке. Он умер твердо, благословляя жену и детей и только томясь об их участи. Несчастливая Мария Дмитриевна сообщает мне о его смерти в малейших подробностях. Она пишет, что вспоминать эти подробности — единственная отрада ее. В самых сильных мучениях (он мучился два дня) он призывал ее, обнимал и беспрерывно повторял: "Что будет с тобою, что будет с тобою!". В мучениях о ней он забывал свои боли. Бедный!»

Казалось, теперь влюбленных разделяли только версты. Любимая женщина свободна, и можно начинать думать о браке. Но интересна ли ему женщина, которую не нужно завоевывать? Впрочем, с одной стороны после горестей, выпавших на его долю, он идеализировал семейную жизнь родителей и желал себе такого же счастья. И цель, как будто, достигну-

та. Но... Любовь без препон для Достоевского слишком пресна. Женщина, которая может стать доступной, теряет для него свою привлекательность. И если бы у Исаевой вскоре не появился бы реальный человек, которым она не на шутку увлеклась, можно предположить, что такая фигура была ею выдумана. Уж слишком хорошим она была психологом, что бы вот так взять и пустить дело на самотек.

Однако здесь судьба предоставила Федору Михайловичу новый поворот. Завоевание Исаевой неожиданно переходит в другую фазу — пока еще достаточно мирную и благородную. На горизонте их отношений появляется серьезное препятствие: из-за безденежья она с сыном должна покинуть Сибирь и вернуться к родным в Астрахань. И, значит, не добившись Марии Дмитриевны, он может ее потерять. Поэтому борьба за нее перешла в следующий виток: Достоевскому во что бы то ни стало нужно удержать Исаеву в Сибири.

На этот раз средством удержания могли бы стать деньги, которые достать негде, кроме как попросить у брата. Достоевский пишет: «Я давно уже люблю эту женщину и знаю, что и она может любить. Жить без нее я не могу, и потому, если только обстоятельства мои переменятся хотя несколько к лучшему и положительному, я женюсь на ней. Я знаю, что она мне не откажет. Но беда в том, что я не имею ни денег, ни общественного положения, а между тем родные зовут ее к себе, в Астрахань. Если до весны моя судьба не переменится, то она должна будет уехать в Россию. Но это только отдалит дело, а не изменит его.

Мое решение принято, и, хотя бы земля развалилась подо мною, я его исполню. Но не могу же я теперь, не имея ничего, воспользоваться расположением ко мне этого благороднейшего существа и теперь склонить ее к этому браку».

И Достоевский всецело отдался устройству Марии Дмитриевны. Он взял у Врангеля деньги и попробовал устроить в корпус восьмилетнего сына Марии – Пашу. 23 марта 1856г. Достоевский писал Врангелю: «Исаева, де, грустит, отчаивается, больна по минутно, теряет веру в надежды мои, в устройство судьбы нашей и, что всего хуже, окружена в своем городишке (она еще не переехала в Барнаул) людьми, которые смастерят что-нибудь очень недоброе: там есть женихи. Услужливые кумушки разрываются на части, чтоб склонить ее выйти замуж, дать слово кому-то, имени которого еще я не знаю. В ожидании шпионят за ней, разведывают, от кого она получает письма? Она же все ждет до сих пор известия от родных, которые там у себя, на краю света, должны решить здешнюю судьбу ее, – то есть возвратиться ли в Россию или переезжать в Барнаул».

Однако... Их любовная драма опять претерпела изменения. Уж видно сама жизнь позаботилась, чтобы Федор Михайлович никак не мог соскучиться со скромной провинциальной дамочкой. Их роман вступил в новую фазу. По письмам возлюбленной Достоевский догадался, что у него появился соперник. Но имени его Достоевский пока не знал. Исаева писала регулярно, почти с каждой почтой, но о самом главном – ни слова. Надо полагать, Исаева умела та-

иться – жизнь научила. Вспомним: согласно бытующей версии, о контактах с Вергуновым уже после венчания она поведала Достоевскому только накануне смерти. Стало быть, все годы брака она о своей тайне умалчивала. Не верила в великодушие Достоевского? Возможно.

Из того же письма к Врангелю: «Я предугадывал, что она что-то скрывает от меня. (Увы! Я этого Вам никогда не говорил: но еще в бытность Вашу здесь *par ma jalousie incomparable* я доводил ее до отчаяния, и вот потому-то она теперь скрывает от меня). И что ж? Вдруг слышу здесь, что она дала слово другому, в Кузнецке, выйти замуж. Я был поражен как громом. В отчаянии я не знал, что делать, начал писать к ней, но в воскресенье получил и от нее письмо, письмо приветливое, милое, как всегда, но скрытное еще более, чем всегда. Меньше прежнего душевных слов, как будто остерегается их писать. Нет и помину о будущих надеждах наших, как будто мысль об этом уж совершенно отлагается в сторону. Какое-то полное неверие в возможность перемены в судьбе моей в скором времени и наконец громовое известие: она решилась прервать скрытность и робко спрашивает меня: "Что если б нашелся человек, пожилой, с добрыми качествами, служащий, обеспеченный, и если б этот человек сделал ей предложение – что ей ответить?"

Достоевский тем временем просто впал в отчаяние: «Она спрашивает моего совета. Она пишет, что у нее голова кружится от мысли, что она одна, на краю света, с ребенком, что отец стар, может умереть, –

тогда что с ней будет? Просит обсудить дело хладнокровно, как следует другу, и ответить немедленно. *Protestation d'amour* были, впрочем, еще в предыдущих письмах... (Исаева) прибавляет, что она любит меня, что это еще одно предположение и расчет. Я был поражен как громом, я зашатался, упал в обморок и проплакал всю ночь. Теперь я лежу у себя... Неподвижная идея у меня в голове! Едва понимаю, как живу и что мне говорят. О, не дай господи никому этого страшного, грозного чувства. Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить. Клянусь Вам, что я пришел в отчаяние».

Итак, Федор Михайлович узнал наверняка, о том, что у него действительно есть соперник. Кузнецкий учитель Вергунов. По словам Марии Дмитриевны обладатель редких духовных качеств, высокой души, да и вообще, образец добродетели. Сам же Достоевский считает его человеком приземленным и серым. Но, чтобы утешить Марию Дмитриевну просит у Врангеля помочь Вергунову с местом. Не правда ли, удивительно благородный поступок? Но зачем это Достоевскому? Наверное, нам нужно вспомнить, что Достоевский не только игрок, но и величайший психолог. Ему ли не знать, как на женское сердце действует благородство и бескорыстие, особенно если качества проявляются к сопернику. Но на Марию Дмитриевну этот благородный поступок не произвел впечатление. Или она сделала вид, что не произвел. А тут, словно по чьей-то невидимой команде, местные кумушки «проснулись» и стали усиленно зани-

маться устройством личной жизни Марии Дмитриевны, они прилагали титанические усилия, чтобы склонить женщину к повторному браку.

А что же сама Мария Дмитриевна? У нее постепенно укрепились отношения с Вергуновым. И произошло это именно в тот момент, когда Достоевский, возлагая большие надежды на помощь брата, ждал от него денег.

И все же... Достоевский был уверен в чувствах женщины, которую любит. Он был убежден, что она испытывает к нему нежные чувства, и этой уверенностью делится с Врангелем: «Я написал ей письмо в тот же вечер, ужасное, отчаянное. Беденькая! Ангел мой! Она и так больна, а я растерзал ее! Я, может быть, убил ее этим письмом. Я сказал, что я умру, если лишусь ее. Тут были и угрозы, и ласки, и униженные просьбы, не знаю что. Вы поймите меня, Вы мой ангел, моя надежда! Но рассудите: что же делать было ей, бедной, заброшенной, болезненно мнительной и, наконец, потерявшей всю веру в устройство судьбы моей! Ведь не за солдата же выйти ей. Но я перечел все ее письма последние за эту неделю. Господь знает, может быть, она еще не дала слово и кажется так; она только поколебалась. *Mais – elle m'aime, elle m'aime* (пер. с фр.: "Но – она меня любит, меня любит"), это я знаю, я вижу – по ее грусти, тоске, по ее неоднократным порывам в письмах и еще по многому, чего не напишу Вам».

Однако что же было такого в «довенчальных» отношениях с Исаевой, о чем Достоевский стесняется сообщить другу и поверенному его чувств, Вранге-

лю? Что мог он привести в подкрепление вывода, что Исаева его любит? Что это за доказательство любви, о котором нельзя ни писать, ни говорить, потому что в игре – честь дамы? У мужчины могло быть только одно свидетельство такого рода – физическая близость. Но ведь Исаева – в Кузнецке, а Достоевский – в Семипалатинске. И, значит, если близость была, то – еще в бытность мужа, в Семипалатинске? И можно ли в этом сомневаться, если несколько лет спустя все повторится – роман Исаевой и Вергунова ведь тоже будет «при живом муже», но уже – при Достоевском. Между тем, Достоевский в письме к Врангелю продолжает «убиваться»: «Друг мой! Я никогда не был с Вами вполне откровенным на этот счет. Теперь что мне делать? Никогда в жизни я не выносил такого отчаяния... Сердце сосет тоска смертельная, ночью сны, вскрикивания, горловые спазмы душат меня, слезы то запрутся упорно, то хлынут ручьем. Посудите же и мое положение. Я человек честный. Я знаю, что она меня любит. Но что если я противлюсь ее счастью? С другой стороны, не верю я в жениха кузнецкого! Не ей, больной, раздражительной, развитой сердцем, образованной, умной отдался бог знает кому, который, может быть, про себя и побои считает законным делом в браке. Она добра и доверчива. Я ее отлично знаю. Ее можно уверить в чем угодно. К тому же сбивают с толку кумушки (проклятые) и безнадежность положения».

Достоевский знает, что может уверить и убедить Марию в чем угодно. И, значит, в любви до гроба – тоже. Уж что-что, а убеждать он умел: впадая в эк-

стаз, красноречивым мог быть безмерно. О чем, ничуть не скрывая, писал Врангелю: «Отказаться мне от нее невозможно никак, ни в каком случае. Любовь в мои лета не блажь, она продолжается два года, слышите, два года, в 10 месяцев разлуки она не только не ослабела, но дошла до нелепости. Я погибну, если потеряю своего ангела: или с ума сойду, или в Иртыш! Само собой разумеется, что если б уладились дела мои (насчет манифеста), то я был бы предпочтен всем и каждому; ибо она меня любит, в этом я уверен. Скажу же Вам, что у нас, на нашем языке (у меня с ней), называется устройством судьбы моей: переход из военной службы в статскую, место при некотором жалованье, класс (хоть 14-й) или близкая надежда на это и какая-нибудь возможность достать денег, чтобы прожить, по крайней мере, до устройства окончательного дел моих».

А обстоятельства для их брака складывались весьма успешно. Достоевский уже унтер-офицер, в кругах высшего военного начальства рассматривается – и вполне благожелательно – вопрос о производстве его в прапорщики, а это, в свою очередь, даст – подарит возможность опальному писателю, во-первых, вновь свободно печататься и, во-вторых, уже реально хлопотать о выходе в *статскую жизнь*. Казалось бы, надо только ждать и радоваться...

Он принял решение поехать в Кузнецк, чтобы самому разыграть решающую партию. Чем больше он думает о такой поездке, тем более привлекательной она ему кажется. Одна незадача – он не может уехать туда официально. И перед ним опять встает выбор.

Отложить все до лучших времен, или же ехать нелегально. Он выбрал второе. Приехав в Кузнецк, Федор Михайлович выяснил, что симпатия к Вергунову со стороны возлюбленной намного сильнее, чем он ожидал. Женщина призналась ему в своем «увлечении», сообщив насколько для нее это все серьезно. И сегодня мы эти сцены разыгравшейся реальной любовной драмы, все переживаемые Достоевским чувства можем легко представить, вчитываясь в соответствующие страницы «Униженных и оскорбленных». Вот, к примеру:

« – Как! Сам же и сказал тебе, что может другую любить, а от тебя потребовал теперь такой жертвы?

– <...> Что ж? Лучше, что ль, если б он лгал? А что он увлекся, так ведь стоит только мне неделю с ним не видаться, он и забудет меня и полюбит другую, а потом как увидит меня, то и опять у ног моих будет. Нет! Это еще и хорошо, что я знаю, что не скрыто от меня это; а то бы я умерла от подозрений. Да, Ваня! Я уж решилась: *если я не буду при нем всегда, постоянно, каждое мгновение, он разлюбит меня, забудет и бросит.* Уж он такой; его всякая другая за собой увлечь может. А что же я тогда буду делать? Я тогда умру... да что умереть! Я бы и рада теперь умереть! А вот какво жить-то мне без него? Вот что хуже самой смерти, хуже всех мук!...»

Достоевский писал Врангелю: «...Я увидел ее! Что за благородная, что за ангельская душа! Она плакала, целовала мои руки, но она любит другого. Я там провел два дня. В эти два дня она вспомнила прошлое, и ее сердце опять обратилось ко мне. <...> Я провел не

знаю какие два дня, это было блаженство и мученье нестерпимые! К концу второго дня я уехал с полной надеждой. Но вполне вероятная вещь, что отсутствующие всегда виноваты. Так и случилось! Письмо за письмом, и опять я вижу, что она тоскует, плачет и опять любит его более меня! <...> Я не знаю еще, что будет со мной без нее. Я пропал, но и она тоже...»

Конечно, Достоевский пришел в ужас от одной перспективы брака Марии Дмитриевны с Вергуновым. И не только потому, что рушились все его чаяния и надежды. И не потому, что острота партии даже для него уже стала чрезмерной. Достоевский любил Марию Дмитриевну. Пусть по-своему, пусть очень необычно, но любил. И он не мог не понимать, что брак с Вергуновым, на том жизненном отрезке – это катастрофа для женщины и ее сына. Поэтому Достоевский на время спрятал свое смертельно уязвленное самолюбие и попытался поговорить с влюбленными. Он сказал Вергунову и Марии, что Николаю Борисовичу, в его 24 года, с учительским жалованием, с безрадостной перспективой навсегда и застрять в глухой Сибири, не следует губить судьбу женщины старше его, образованной, выдавшей свет, больной, да еще и имеющей на руках ребенка. Но в тоже время Достоевский не был бы Достоевским, если бы параллельно не разыгрывал свою собственную партию. Он близко сошелся со своим молодым соперником, да причем так, что тот у него даже «плакал» на плече. Однако Вергунов оказался не таким уж простачком. Он понял подтекст игры Достоевского и поспешил решительно настроиться против Достоевского Марию

Дмитриевну. «Я как помешанный в полном смысле слова все это время...», – вырвалось из-под пера Федора Михайловича, когда он писал Врангелю. А дальше, он просил у прокурора об устройстве сына Исаевой, Паши, воспитанником в Сибирский кадетский корпус, и, забегая вперед нужно сказать, что хлопоты эти увенчались успехом. Затем Достоевский добивался выделения денежного пособия вдове Исаевой. И вновь просил Александра Егоровича подыскать новое, более денежное место... Вергунову! «Она не должна страдать, – писал Достоевский, – если уж выйдет за него, то пусть хоть бы деньги были. <...> Это все для нее, для нее одной. Хоть бы в бедности-то она не была, вот что!...»

Ровно через неделю Врангель получил из Семипалатинска новое письмо, которое ярко свидетельствовало об обострении ситуации и о сверхкритическом состоянии, в каком находился несчастный влюбленный унтер-офицер Достоевский. Причем, уже в первых же строках Федор Михайлович, прося прощения за свою назойливость и настойчивость своих просьб, вворачивал как бы в оправдание становящийся уже привычным для него и с маниакальным оттенком оборот-пассаж: «Не потяготитесь просьбами от меня. А я бы рад был за Вас хоть в воду...»

И далее следуют опять просьбы об устройстве жизни Марии Дмитриевны. Казалось бы, Достоевский полностью смирился уже с происшедшим и, может, даже успокоился за минувшую неделю, выплакал все слезы. Но нет..! Он снова пишет: «...в настоящее время почти ни на что не способен и так на все тяжело

смотрю! Если б хоть опять увидеть ее, хоть час один! И хотя ничего бы из этого не вышло, но по крайней мере я бы видел ее! <...> теперь, ей-богу, хоть в воду! Хоть вино начать пить!...»

Далее он продолжал описывать события: «Можете ли Вы себе представить, бесценный и последний друг мой, что она делает и на что решается, с ее необыкновенным, безграничным здравым смыслом! Ей 29 лет; она образованная, умница, видевшая свет, знающая людей, страдавшая, мучившаяся, больная от последних лет ее жизни в Сибири, ищущая счастья, самовольная, сильная, она готова выйти замуж теперь за юношу 24 лет, сибиряка, ничего не видавшего, ничего не знающего, чуть-чуть образованного, начинающего первую мысль своей жизни, тогда как она доживает, может быть, свою последнюю мысль, без значенья, без дела на свете, без ничего, учителя в уездной школе, имеющего ввиду (очень скоро) 900 руб. ассигнациями жалованья. Скажите, Александр Егорович, не губит она себя другой раз после этого? Как сойтись в жизни таким разнохарактерностям, с разными взглядами на жизнь, с разными потребностями?»

Но почему Достоевский решил, что у Марии Дмитриевны с Вергуновым «разные взгляды на жизнь»? И откуда он знает, что у него с ней взгляды совпадают? Ведь если забежать немного вперед, то мы увидим, что к Вергунову она всегда тянулась душой. Причем настолько, что их прощание при отъезде из Семипалатинска переросло в тайные от мужа свидания. Но Достоевский не хотел даже думать об этом.

Он писал Врангелю: «И не оставит ли он ее впоследствии, через несколько лет, ...не позовет ли он ее смерти! Что будет в бедности, с кучей детей и приговоренною к Кузнецку? Кто знает, до чего может дойти распря, которую я неминуемо предвижу в будущности; ибо будь он хоть разыдеальный юноша, но он все-таки еще не крепкий человек. А он не только не идеальный, но... Все может быть впоследствии. Что, если он оскорбит ее подлым упреком, когда поверит, что она рассчитывала на его молодость, что она хотела сладострастно заесть век, и ей, ей! чистому, прекрасному ангелу, это, может быть, придется выслушать! Что же? Неужели это не может случиться? Что-нибудь подобное да случится непременно; а Кузнецк? Подлость! Бог мой, — разрывается мое сердце. Ее счастье я люблю более моего собственного. Я говорил с ней обо всем этом, то есть всего нельзя сказать, но о десятой доле. Она слушала и была поражена. Но у женщин чувство берет верх даже над очевидностью здравого смысла».

Какие дурные мысли и поступки приписывал Достоевский сопернику, о котором, по сути, ничего не знал? Почему он решил, что с Вергуновым у Исаевой будут распри, что тот станет оскорблять ее и «позовет ее смерти»? Да и намеки, будто Вергунов когда-нибудь даже попрекнет Исаеву, что «она рассчитывала на его молодость»? Приемы, эти кажутся не совсем корректными. И видимо Мария Дмитриевна расценила все эти доводы, как попытку опорочить Вергунова в ее глазах. Об этом тотчас узнал Достоевский и сообщил Врангелю: «Резоны упали перед мыслию,

что я на него нападаю, подыскиваюсь (бог с ней); и защищая его (что, дескать, он не может быть таким), я ни в чем не убедил ее, но оставил сомнение: она плакала и мучилась. Мне жаль стало, и тогда она вся обратилась ко мне — меня жаль! Если б Вы знали, что это за ангел, друг мой! Вы никогда ее не знали; что-то каждую минуту вновь оригинальное, здравомыслящее, остроумное — у ней сердце рыцарское: сгубит она себя. Не знает она себя, а я ее знаю! По ее же вызову я решился написать ему все, весь взгляд на вещи; ибо, прощаясь, она совершенно обратилась опять ко мне всем сердцем. С ним я сошелся: он плакал у меня, но он только и умеет плакать! Я знал свое ложное положение; ибо начни отсоветовать, представлять им будущее, оба скажут: для себя старается, нарочно изобретает ужасы в будущем. Притом же он с ней, а я далеко. Так и случилось. Я написал письмо длинное ему и ей вместе. Я представил все, что может произойти от неравного брака».

Хлопоты за Марью Дмитриевну были лихорадочны. Так явственно доказывать свое великодушие к женщине, нарушившей все клятвы и связавшейся с молодым и красивым учителем, мог только Достоевский! А уж просьбы за Вергунова наверняка вызывали у Врангеля не только изумление, но и восхищение. И поэтому тот писал в своих воспоминаниях: «Не подумал ли он: бедный обманутый друг мой, — какое, право, большое и доброе сердце, и за что выпало ему столько испытаний: то каторга, то "отбивание" невесты чуть не из-под венца; и какова же коварная Исаева, — после измены еще смеет пользоваться и без того

незавидным положением Федора Михайловича себе во благо!»).

И совершенно разбитый Достоевский, так и не выиграв задуманной партии, возвратился в Семипалатинск. И Врангель, и многие знакомые сразу же постарались его утешить. Но он ждал лишь одного письма, лишь одного известия, способного вывести его из депрессии, в которую Федор Михайлович угодил после поездки в Кузнецк. Его душевное состояние внушало серьезные опасения Врангелю и тот не на шутку боялся, чтобы у Достоевского не возобновились эпилептические припадки. А Мария..? Она все-таки написала, что, кажется, любит Достоевского... Нет, пожалуй, Вергунова... Нет, Достоевского...

Но вот прошли следующие жуткие полтора месяца. Он с нетерпением, лихорадочно ждал и наконец-то дождался офицерского чина. И в первых числах октября новоиспеченный прапорщик устремился спасти свое счастье. Ему так и не удалось выписать официальную подорожную до Кузнецка. И Достоевский добрался только до городка Змиева, где надеялся увидеть любимую женщину. Но Мария Дмитриевна на условленную встречу не приехала. И опять, уязвленный в самое сердце он вернулся в Семипалатинск. Где описал произошедшее. «Производство в офицеры, если обрадовало меня, так именно потому, что, может быть, удастся поскорее увидеть ее. <...> Люблю ее до безумия, более прежнего. Тоска моя о ней свела бы меня в гроб и буквально (подчеркнуто Достоевским!) довела бы меня до самоубийства, если б я не видел ее <...> Я ни об чем более не думаю. Только бы

видеть ее, только бы слышать! Я несчастный сумасшедший! Любовь в таком виде есть болезнь <...> или топиться или удовлетворить себя. <...> О, не желайте мне оставить эту женщину и эту любовь. Она была свет моей жизни...»

В тот же день он написал брату: «Ту, которую я любил, я обожаю до сих пор... Это ангел божий, который встретился мне на пути, и связало нас страдание». И в последних числах ноября Достоевский в новом офицерском мундире опять поехал в Кузнецк, чтобы окончательно объясниться с Марией Дмитриевной. Он должен был пробыть в этом городе всего пять дней и за это время решить свою судьбу. И вот, кажется, Бог обратил на страдальца свое благосклонное внимание. Федор Михайлович делает официальное предложение Марии Дмитриевне. Ему удалось убедить ее, что перед ней человек с будущим и — о счастье и радость! — она ответила «да».

Теперь Федор Михайлович был уверен: свадьбе быть. С Вергуновым, как он считает, уже покончено. Но так ли это? Даже столь глубокому человековеду, как Достоевский, похоже, так и не удалось вникнуть в психологию достаточно интеллектуальной, но все же обычной провинциалки. О многих сокровенных сторонах ее жизни он так и не узнает до конца ее дней.

Более того — «не имеющая тайн» Исаева до сих пор задает такие загадки достоевскооведам, как ни одна другая женщина Достоевского... Мария Дмитриевна металась и томилась, пытаясь решить вставшую перед ней дилемму. Кого же предпочесть? Писателя, офицера или полунищего учителя из глухого угла?

Человека, который ее любит, или человека, которого любит она? И все же Достоевский-психолог был уверен, что по-настоящему любила Мария Дмитриевна именно его.

Он тут же сообщал в письмах Врангелю и Михаилу Михайловичу о счастливых переменах, которые вот-вот должны произойти в его жизни. Теперь ему предстояло занять денег, чтобы наконец-то обвенчаться с Марией Дмитриевной.

В начале декабря Достоевский уехал из Кузнецка с твердым намерением сыграть свадьбу до великого поста. Ему предстояло решить множество дел. Нанять квартиру, меблировать ее, оплатить проезды на тройках Семипалатинск – Кузнецк и обратно, а это все-таки полторы тысячи верст, закончить свою офицерскую экипировку, одеть будущую невесту, заплатить за венчание и свадьбу. Короче, найти деньги на все эти предвиденные и непредвиденные расходы. А ведь у самого жениха денег было совсем не густо. Но Достоевский полон решимости. Он пишет родственникам в Петербург и Москву, выясняет возможности местных займов, ведет переговоры и неутомимо собирает средства. Из письма брату: «Денег у меня нет ни копейки, а деньги 1-е дело, и потому я решаюсь занять... Надобно сделать хоть какие-нибудь приготовленья, нанять квартиру хоть в три комнаты, иметь хоть необходимейшую мебель. Надобно одеться, надобно и ей помочь... Надобно послать за ней закрытую повозку, которую повезут три лошади туда и сюда 1500 верст – сотни прогоны. Надобно заплатить за свадьбу... Жалованье мое достаточно, чтоб жить. Но

завести все сразу, тяжело... У дяди я прошу 600 руб. серебром... Брат, ангел мой, помоги мне последний раз. Я знаю, что у тебя нет денег, но мне надобны некоторые вещи, именно для нее. Мне хочется подарить их ей; покупать здесь невозможно, стоит вдвое дороже».

Конечно, его родственники не пришли в восторг от предстоящей свадьбы. Московская тетушка Александр Куманина выразила мнение всей семьи: «Сам только вышел из несчастья беспримерного, необеспечен и тянет в свое горе другое существо, да и себя связывает вдвое, втрое». Но, тем не менее, Куманины присылают шестьсот рублей серебром, Михаил и старшие сестры по двести рублей. Давний приятель капитан Ковригин ссужает на дальний срок Достоевскому тоже шестьсот рублей. И наконец-то собрав нужную сумму денег, 6 февраля 1857 года в Одигитриевской церкви г. Кузнецка Достоевский отправился под венец с Марией Дмитриевной Исаевой. И тут перед нами предстает необычный пассаж – одним из двух шаферов-свидетелей был чиновник Кузнецкого училища учитель... Вергунов. Разумеется, это придавало большую напряженность бракосочетанию. Но здесь еще разыгрывалась подлинная человеческая драма. Кто знает, что чувствовала женщина, стоящая пред алтарем, между двумя своими возлюбленными. И к кому именно тянулось ее сердце в это момент.

Свадьба вышла скромной и малолюдной. Но Федор Михайлович был счастлив, весел и «очаровал» кузнецкое общество. Впрочем, если принять во внимание одну довольно грязную сплетню, то вполне ве-

роятно, что под внешней веселостью жениха скрывались обида, горечь и ревность. Любовь Федоровна Достоевская в книге «Достоевский в изображении своей дочери» уверенно пишет, что-де «накануне своей свадьбы Мария Дмитриевна провела ночь у своего возлюбленного, ничтожного домашнего учителя, то есть – Вергунова». Эта, увы, жизнеподобная сплетня, видимо, тотчас же стала известна Достоевскому по приезду его в Кузнецк. Впрочем, не исключено, что уже много позже Мария Дмитриевна в минуту злой ссоры с мужем уязвила-ранила его таким признанием. Впоследствии, в минуту горькой откровенности, в свою очередь Федор Михайлович поделился своим давешним горем с Анной Григорьевной, а та через много лет поведала об этой некрасивой истории с первой женой Достоевского своей повзрослевшей дочери...

А сам Достоевский через двенадцать лет увековечит эту драму в любимом своем детище «Идиоте». Он напишет о грешнице, полюбившей праведника и убитой сладострастником. Кузнецкая свадьба развернется в потрясающую картину брачной ночи князя Мышкина. «Настасья Филипповна вышла действительно бледная, как платок; но большие черные глаза ее сверкали на толпу, как раскаленные угли; этого-то взгляда толпа и не вынесла; негодование обратилось в восторженные крики. Уже отворились дверцы кареты, уже Келлер подал невесте руку, как вдруг она вскрикнула и бросилась с крыльца прямо в народ. Все провожавшие ее оцепенели от изумления, толпа раздвинулась перед нею, и в пяти, в шести шагах от крыльца показался вдруг Рогожин. Его-то взгляд и

поймала в толпе Настасья Филипповна. Она добежала до него как безумная и схватила его за обе руки.

– Спаси меня! Увези меня! Куда хочешь, сейчас!

Рогожин подхватил ее почти на руки и чуть не поднес к карете».

Через несколько часов на исходе петербургской белой ночи он призовет ее к смерти. Соперники в последний раз встретятся у ее тела с чувством глубокого взаимного сострадания перед их погружением в ночь безумия. Как потом признавался Достоевский, именно ради этого эпилога, он написал весь роман. Книга вышла из душевных потрясений писателя в эпоху его семипалатинской любви...

Прошло всего несколько дней после свадьбы, а Достоевские уже выехали в Семипалатинск. Путь шел хвойными лесами, запорошенными снегом, на юго-запад, через Алтай, к степям Киргизии. По пути путешественники остановились в Барнауле у Петра Петровича Семенова-Тяншанского, которого Достоевский очень ценил и уважал. И в это время с Федором Михайловичем произошел припадок, он написал об этом брату: «Тут меня постигло несчастье: совсем неожиданно случился со мной припадок эпилепсии, перепугавший до смерти жену, а меня наполнивший грустью и сожалением». Это действительно было страшное зрелище. Местный врач тотчас констатировал падучую и предсказал, что в один из таких припадков больной задохнется от горловой спазмы и умрет! Достоевский стал ругать себя, что при такой серьезной болезни он женился и обрек тем самым на страдание невинное создание. И с этим же ощущением Досто-

евский приехал в Семипалатинск. Он с женой обустроил дом, но его не покидало предчувствие, что вскоре они покинут эти места. Правда, к его удивлению произошли события, которые он никак не мог предположить.

С началом семейной жизни период запредельных страстей, связанных с любовной лихорадкой, закончился. Приз, за который он так боролся, был получен. И поэтому, чувства видимо окончательно перегорели. После свадьбы накал страстей пошел на убыль. Началась обыденная семейная жизнь, полная хозяйственных бытовых хлопот, началось, если можно так выразиться, чрезмерное непрерывное общение двух обремененных болезнями и имеющих далеко не ангельские характеры людей.

Мария Дмитриевна тоже не испытывала пылкой привязанности к мужу, чего, впрочем и не скрывала перед свадьбой. К тому у нее совершенно не было, как впоследствии у Анны Григорьевны, преклонения перед талантом своего мужа. Позже, уже после смерти первой жены, Федор Михайлович в письме Врангелю (31 марта – 14 апреля 1865 года) вполне трезво подытоживал и характеризовал свою семейную жизнь так: «О, друг мой, она любила меня беспрельдно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо. <...> Несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе (по ее странному, мнительному и болезненно фантастическому характеру), – мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу...»

А Анна Григорьевна в личном разговоре с Л. Гроссманом так высказалась о первом браке Федора Михайловича: «Федор Михайлович сильно любил свою первую жену. В жизни его это было первое настоящее чувство. Молодость его ушла целиком на литературную работу. Под впечатлением первого громкого успеха он весь был захвачен своим писательским трудом и не имел времени для настоящего романа. Увлечение Панаевой было слишком мимолетным и в счет не идет. Но с Марией Дмитриевной дело обстояло иначе. Это было настоящее сильное чувство со всеми радостями и муками. В последние годы обострившаяся болезнь покойной сообщила особенную мучительность их отношениям. От врачей, лечивших Марию Дмитриевну, я узнала, что к концу жизни она была и психически не вполне здорова».

Тем не менее, нужно было привыкать к совместному проживанию вдвоем и налаживать быт. Они принимали гостей, и сами отдавали визиты. Одним словом, жили вполне обывательски, по-провинциальному покойно. Можно было бы пофантазировать о том, какую сумятицу внес в жизнь молодоженов учитель Вергунов, который в августе 1857-го неожиданно перебрался на службу в Семипалатинск. Возобновилась или нет связь между ним и Марией Дмитриевной – осталось неизвестным. Но даже если и так, Достоевского это, скорей всего, уже никак не трогало. Он к тому моменту окончательно перегорел в своей страсти к некогда горячо любимой женщине. Больше того, уже сам Федор Михайлович, вероятно, давал своей супруге поводы для ревности. Жила в Семипалатин-

ске какая-то таинственная Марина О., совсем молоденькая девушка, которой прапорщик-писатель давал уроки. По словам Врангеля, когда Достоевский в октябре 1865 года гостил у него в Копенгагене, они много вспоминали о Сибири, в том числе – «и о покойнице Марии Дмитриевне, и о красавице Марине О., которую так ревновала к нему его жена».

Вероятно, можно согласиться с большим спецом в любовно-сексуальных вопросах Марком Слонимом в том, что о физической гармонии между супругами не было и речи. Мария Дмитриевна может быть в силу своей болезни, а может быть, в силу темперамента не могла отвечать на пылкие ласки мужа. И постепенно Федор Михайлович начал относиться к Марии Дмитриевне как к сестре, как к больному близкому человеку, требующему не мужской страсти, а обыкновенной человеческой ласки, заботы, бережного ухода.

Впрочем, это и не удивительно. Доказав ему свою «любовь» близостью до брака, Мария Дмитриевна видимо решила, что тема эта исчерпана. А он и не думал разбираться, что было настоящим чувством, а что искусной показухой. Поэтому несхожесть их характеров и темпераментов выявилась намного позже. И разве не могло случиться, что сверхтемпераментный (по признаниям Анны Григорьевны) Достоевский нашел в лице Исаевой женщину болезненную, скорее склонную к мягкой нежности, чем к пылкой страсти. Постепенно он охладил к ней. Чему немало способствовал и характер Марии Дмитриевны. Почти сразу после свадьбы Федор Михайлович окунулся в атмосферу обид, капризов и слез. Теперь, когда игры

закончились, единственным развлечением больной женщины стали «тайны мадридского двора», когда мужу предлагалось самому угадывать в чем он «провинился» и каким поступком можно остановить «ниагарский водопад» слез. Достоевский старался избегать общества жены и с головой уходил в работу, которая отвлекала его от горестей семейной жизни. Ведь как ни смотри, но столь желанного семейного счастья он в своем браке не нашел. «Мария Дмитриевна хворала, капризничала и ревновала» – описывал их жизнь Врангель. И теперь Достоевский просто терпел то, что сам создал собственными руками.

Но наступил конец 50-х годов. В марте 1859 года Достоевскому было разрешено выйти в отставку с правом жить во всей России, за исключением столиц, но самое главное – теперь ему разрешено печататься. Местом своего жительства писатель выбрал Тверь, поскольку этот город был весьма близко расположен и к Москве, и к Петербургу. И второго июля 1859 года Достоевские двинулись в путь. Позади осталось целое десятилетие страданий...